

О КЕЛЕЙНОМ ДНЕВНИКЕ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА

Количество источников и работ, связанных с именем святителя Филарета, вполне сопоставимо с объемом общей библиографии по истории русской Церкви за годы его служения. Нет, пожалуй, другого иерарха, который бы настолько стоял в самой сердцевине нашей не только церковной, но и народно-государственной жизни. Нет другого, который настолько был бы у всех на виду, и тем не менее, — а может быть, именно поэтому — очень трудно сегодня воссоздать «духовный портрет» святителя. Он как бы растворен в своей деятельности и теряется в ней. Иконописцы жалуется, что не могут уловить в чертах его характерность, которая придала бы однозначность узнавания его лику. То же может сказать и жизнеописатель его. И если Флоровский еще в 20-е годы заметил, что «вопрос о генезисе и источниках мировоззрения м. Филарета нуждается в новом и очень внимательном исследовании» (*Флоровский Георгий (прот.)*. Пути русского богословия. Париж, 1837. С. 543.), то надо признать, что ничего нового по этому поводу не сказано и до сего дня. Тем больший интерес представляют для нас источники, хотя бы отчасти приоткрывающие так ревниво оберегаемую святителем тайну его внутренней жизни. К числу таковых безусловно принадлежат дневниковые записи, сделанные им на страницах календарного ежегодника и известные более под именем «Келейного дневника митрополита Филарета».

У этого памятника странная судьба. Нельзя сказать, чтобы он был никому неизвестен. Еще в 19-м веке на него ссылаются комментаторы писем святителя. В 1908 году под указанным выше названием его публикуют со многими очевидными ошибками в расшифровке рукописи «Московские церковные ведомости»¹. 1908. С. 68–69, 88–90, 145–147, 169–172, 226–

¹ Далее МЦВ.

227, 292–293, 415–416, 445–446, 463–465, 495, 533–534, 556–558, 575–577. В 1914 году Бартенев младший, судя по всему, ничего не подозревающий о публикации МЦВ, печатает его в *Русском архиве* (далее — РА) под заглавием «Заметки митрополита московского Филарета на календаре» (Русский архив. М., 1914. Ноябрь. С. 299–329). Автор последней по времени серьезной, хотя уже во многом и устаревшей работы о жизни святителя Филарета, митр. Иоанн (Снычев) обе эти публикации помещает в своем списке источников как самостоятельные, очевидно, также не замечая, что речь идет об одном и том же памятнике. Сказанного, кажется, достаточно, чтобы заключить, что мысль о серьезном исследовании дневника до сих пор никого не занимала. Между тем, уже и сам характер внесения записей с очевидностью указывает на то, что святитель испытывал некую долговременную внутреннюю потребность в этом. Дневник, как было уже сказано, представляет собой ежегодник на 1827 год, в течение которого святитель регулярно вносит записи в него, однако и в последующие годы возвращается к нему многожды, делая заметки на свободных местах. Последнее придает им тем большую внутреннюю важность, хотя и довольно затрудняет работу исследователя, так как нередко оказывается, что более поздняя запись на листке ежегодника оказывается «выше» записи предшествующего года. Из литературы известно, что это не единственная записная книжка святителя, однако до сколько-нибудь серьезного обследования связанных с именем святителя архивных фондов невозможно ничего сказать ни об объеме, ни о характере, ни о времени содержащихся в них записей. Поэтому не будет, кажется, преувеличением считать, что рассматриваемый нами теперь дневник — единственный на сегодня доступный нам источник, про который определенно известно, что не внешняя обязанность, но единственно внутренняя потребность была поводом для написания его святителем. К сожалению, местонахождение оригинала пока неизвестно. Обретение последнего позволит окончательно расставить точки над *i*, во всех связанных с памятником вопросах, однако на самые важные из них можно ответить

уже сегодня, анализируя и сравнивая публикации МЦВ и РА. Краткие итоги проделанной работы и представлены ниже.

Первая часть ее состояла в том, чтобы выполнить хронологическую реконструкцию дневника, т. е. распределить записи по годам. Представленный таким образом дневник охватывает период с 1827 по 1853 год, с перерывом в записях с 1844 по 1853. Понятно, что наиболее полно представлен в нем именно «основной» 1827 год, включающий особенно в первой своей половине до 15–16 записей в месяц. В последующие годы число записей неуклонно сокращается — во многом по причине того, конечно, что все менее места для этого остается в книжечке. Во второй половине 30-х — начале 40-х годов святитель вообще обращается к ней всего несколько раз в год, однако она, очевидно, была все же дорога ему, ибо после девятилетнего молчания он именно в ней делает две записи, связанные со смертью матери, подводя тем самым, быть может, черту под известным периодом своей жизни. Эти записи суть последние в дневнике.

Вторая часть работы над дневником включала в себя расшифровку и комментирование содержащихся в нем записей. Результаты этих изысканий читатель найдет в постраничных примечаниях.

Однако и то и другое имело свой смысл лишь постольку, поскольку помогало бы ответить на поставленные выше вопросы. Поэтому, не стремясь навязывать читателю собственное мнение, представим все же здесь некоторые наблюдения, приближающие, как кажется, к указанной цели.

Для удобства анализа дневниковые записи можно распределить на несколько основных тематических групп.

1. *Выписки из прочитанных книг.* Их разбор дает повод поставить проблему круга чтения святителя, а стало быть и проблему усвоенных или — если угодно — преодоленных им влияний, иными словами, приблизиться к разрешению поставленного Флоровским вопроса об истоках мировоззренческого син-

теза святителя. Его осведомленность в церковных отцах не вызывает никаких сомнений: известно, что он не только читал, но и переводил их для академической серии «Творения святых отцов в русском переводе». В его проповедях, правда, можно встретить не так много цитируемых имен: это прежде всего свт. Иоанн Златоуст, свт. Василий Великий, пр. Макарий Египетский, пр. Исаак Сирий; из западных — св. Амвросий Медиоланский, свт. Григорий Двоеслов. Если же мы обратимся к экзегетическим работам святителя, то увидим, что круг источников, служивших ему материалом для построения собственных выводов несравненно шире. Помимо восточных и западных отцов Церкви встречаем здесь кальвиниста Раванеля, лютеранина Каловия, гуманиста Клариуса, иудея Ибн-Езру, и даже еретика Феодотиона. Историк русской литературы Галахов указывает на близость известного слова святителя в Великий Пяток 1813 года с 14-й главой бемевского «Таинства креста». (Галахов А. Обзор мистической литературы в царствование имп. Александра 1-го // ЖМНПр. 1875. Ч. 182. С. 171). Можно было бы также указать на прямые и важные богословские параллели с *Истинным христианством* Арндта. Однако такая, на первый взгляд, «неразборчивость» в средствах не должна смущать нас. Она представляется следствием принципиального положения, наиболее четко высказанного святителем в слове на Благовещение 1835 года: «Как человек познавал и познает Бога, делал и делает добро до христианства и без христианства? — мой ответ один: если познавал Бога, то познавал останками первоначального света в разуме» (*Филарет (митр. Московский)*. Творения. Слова и речи: В 5 т. М. 1873–1885. Т. 3. С. 344)¹. Отблеск этого «первоначального света» и стремится различить святитель во всем, с чем сталкивается его любознательный ум. Сказанное подтверждается разбором выписок, относящихся в основном к «базовому» 1827 году.

Это прежде всего выписки из богослужебных синаксарей, Четий миней, Лимонария, славянского Добротолюбия, но это

¹ Далее *Творения*.

и выписки из Фенелона, жизни госпожи Гюийон, современных и почти тридцатилетней давности журналов. Знаменательно, что немалая часть этих выписок так или иначе связана с вопросом о возможности действия благодати Божией вне Церкви и о церковном отношении к этому. Из Синаксаря в неделю мясопустную святитель выписывает фразу о Григории Беседовнике, который «молитвою царя Траяна спасе, слышав от Бога, никогдаже ему о нечестивом молитися» (5.2.1827); из Синаксаря первой субботы поста — слова: «архиерею Евдоксию, аще и не правому и не православному бывающу, посылает великого Своего страстотерпца Феодора» (19.3.1827); из Лимонария — известие о пресвитере, проскомидию которому совершил еретик и которому ангелы не открыли о том, ибо «Бог тако изволил есть, человеком человеки исправляти» (6.9.1827).

Не менее важной представляется и еще одна выписка из Триодных синаксарей о Златоусте, любопремудрствующем «вкупе и писания соблюдая, и ниже паки пребываяй при писмени» (13.2.1827), указывающая, как кажется, камертон экзегетических трудов святителя.

Выписки из отцов Добротолюбия посвящены прежде всего умному деланию и внутренней духовной жизни. Это своего рода маленький вполне характерный отечник. Здесь же святитель, достигший уже вершин своего иерархического положения, ищет и находит для себя, очевидно, в словах пр. Феогноста разрешение вопроса о монашеском послушании: «Мысленно исправльшему повиновение, и покорившему плоть духови, несть потребы человека повинования. Повинуется бо сей слову Божию и закону, яко блוגоразумен послушник. А в нихже рать и брань есть тела противу души, нужно есть повинутися, и стяжати воеводу» (19.5.1827). Вообще все записи выдают практический интерес подвизающегося, ищущего себе подкрепления и совета в духовной брани.

С этим же практическим интересом святитель подходит и к книге Фенелона «Извлечения из мыслей святых о внутренней жизни». Но если в Добротолюбии интерес преимущественно

сосредоточен на внутреннем молитвенном делании, то выписки из Фенелона объединены темой любви (см. записи 9.3.1827; 10.3.1827; 12.3.1827). К одной из них выразительно прибавлено: «Сие осуждено папою», — прибавлено, между прочим, к небезыңтересным для нас словам Франциска Салезийского: «Святые всех времен соблюдали некоторый род таинственности, чтобы говорить о строгих испытаниях и высоком упражнении чистой любви тем токмо душам, которым Бог сообщил уже благодатное ощущение, или свет. Они давали млеко — младенцам, и хлеб — душам твердым» (11.5.1827).

Здесь именно важно, как кажется, указание на «некий род таинственности», которым облечено знание для душ, обретших свет. Целый ряд выписок свидетельствует об этом. Святителя в частности интересуют «сноговорящие». Сон, как поясняет одна из дневниковых записей, — «это слитие с миром, отречение от своей самостоятельности» (10.6.1827). Спящий как бы невольно может почерпнуть из мира рассеянные в нем остатки «первоначального света» и святитель ищет угадать его в неясных фразах магнетического сна (выписки под 23, 24, 26 января 1827 года).

Вообще, надо заметить, что мир таинственных, чрезвычайных явлений весьма интересовал святителя. Из «Магазина естественной истории», журнала, издававшегося И. Двигубским, он выписывает заметку о свечении умершего светляка (22.1.1827), а из «Библиотеки для чтения» известие «о кипящем водоеме на острове св. Михаила (из Азорских), из которого вода бросается на крик человеческий, иногда с огнем и дымом» (4.3.1835).

Подобный интерес святителя проясняется, кажется, еще одной выпиской, на сей раз из Иоанна Дамаскина: «Видим в тварях образы, сумрачно ознаменовывающие нам Божественныя явления» (30.7.1827).

2. *События внешнего мира* занимают не так много места в дневнике и, в большинстве своем, пожалуй, также могут быть объединены по признаку *таинственного*, и уж во вся-

ком случае это выходящие из обыденного ряда явления. Поэтому, например, достаивается нескольких подробных записей история крещения некоего знатного персиянина Юсуфа. Еще до крещения ему во сне открыто, что крестным его будет человек по имени Сергей, и князь Сергей Михайлович Голицын, добрый знакомый святителя, действительно дает на то свое согласие. Святитель подробно описывает благодатные ощущения, пережитые новокрещенным Михаилом в момент совершения таинства (27.2.1827). Не забывает он отмечать и чрезвычайные природные явления, свидетелями которых был сам или кто-то из его окружения (напр., записи 1.3.1833 и 9.6.1840).

Еще важная подробность дневника: от начала его ведения и вплоть до 1842 года святитель неуклонно вносит в него заметки о своих поездках из Москвы в Петербург и обратно, даже тогда, когда на протяжении нескольких месяцев не обращается к нему по иным поводам. Уже по одной этой, казалось бы, вовсе не обязательной пунктуальности видно, как непросто был для него и сам переезд и долгое пребывание в Северной столице. Известные слова из письма к матери: «Я здесь (*в СПб.* — *свящ. П. Х.*) чужой; и хочу таким оставаться, а потому уклоняюсь от сношений кроме необходимых» (Переписка митрополита Московского Филарета с родными. М., 1882. С. 288), — быть может, помогут нам понять, что стоит за одной из многочисленных записей вроде: «Мы в Петербург вскоре после полуночи, выехав из М. 23» (28.10.1841), — записей, в которых возникает своего рода характерная лейттема дневника.

3. Следующий слой дневника — это собственно *епархиальная и синодальная деятельность святителя*. Известно, что святитель работал иногда по 18 часов в сутки, известно, что диапазон его трудов колебался от дел, определявших ход российской истории, до подробностей епархиальной жизни. «Он погрузился, так сказать, на самое дно мелочей духовной администрации, — замечает о нем современник» (*Зубов В. П.* Русские

проповедники. М., 2001. С. 129), и если судить по внешнему человеку, то небезосновательно, но дневник свидетельствует, что внутренний человек едва касался этого дна. За более чем 15 лет записей здесь находят себе место всего несколько дел. Это прежде всего две краткие записи конца 1827 года, подводящие итог драматической истории с катехизисами, сама сухость которых немало может сказать тому, кто знает, как сильно переживал святитель за свое детище.

В следующем 1828 году это запись под 2 апреля: «Читан и принят в С. Синод проект доклада о устройстве Духовенства». Доступные нам на сегодня источники не дают ответа о том, что это был за доклад. Однако известно, что в январе 1828 года свт. Филарет составляет *мнение* относительно образования духовного юношества и устройства приходского духовенства. (Полное собрание мнений и отзывов митр. Филарета. М., 1885. Т. 2. С. 216–238). 23 января мнение поступает в Синод, и согласно синодальной резолюции копии с него раздаются прочим синодальным членам для обсуждения и замечаний. Быть может, именно это свое мнение имеет в виду святитель в письме С. Д. Нечаеву от 19.12.1829 (см. примечания к дневнику). Если речь идет об одном и том же документе, то вполне вероятно, что составленный на основе его и поправок синодальных членов доклад и был читан в Синоде 2 апреля.

В том же апреле еще одна затаенно скорбная запись:

«Подписан мною проект общежительного Духовно-воспитательного заведения. — Без успеха». Проект представляет собой устав идеальной церковной школы. Чтобы читателю было понятно, каким представлял ее себе святитель, приведем несколько пунктов этого крайне любопытного документа. «Главные основания сего учреждения могут быть следующие: 1. Избрать в одной из Епархий, находящихся в середине Государства, один из штатных загородных монастырей и обратить оный в общежительный духовно-воспитательный монастырь. 2. Дать ему приличный устав по примеру лучших древних общежитий. 3. Способных и благонадежных для начатия общежития людей заимствовать из лучших в России общежительных монастырей,

а для преподавания учения пригласить способных и желающих из Духовенства и существующих Духовных училищ, с должною предусмотрительностию по роду сего учреждения. [Насельники должны составиться из собственно монашествующих и принятых для обучения. — *свещ. П.Х.*] <...> 19. Управление в сем общежитии должно быть основано на Христианской любви, а подчинение на Христианском послушании. Младшие старших должны почитать и называть отцами, а старшие младших братьями. 20. Каждый из братии общежития по назначению настоятеля, имеет старца, которому ежедневно открывает свою совесть, и от которого получает духовное наставление. При воспитанниках место старцев заступают надзиратели, которые дают им нравственное и духовное руководство, применяясь к возрасту. <...> 25. Предметами учения будут после отечественного языка и словесности, языки Еврейский, Греческий, Римский, из философских наук Логика... прочие части философии, поколику познание их нужно для вразумления тех, которых заблуждения разума удаляют от области веры, история Священная и Церковная, с присовокуплением из всеобщей того, что служит к познанию путей Провидения Божия в роде человеческом и Христианском, Богословия созерцательная и деятельная с различными ее применениями, руководство к познанию древности и духа церковных чиноположений и законоположений, руководство к должности пастырей и учителей, руководство к обращению заблуждающихся из раскола или совершенного неверия, упражнение в церковном чтении, пении и уставе должно быть непрерывным и занятием и утешением...» (Прибавления к творениям святых отцов. М., 1871. С. 497–304) Этот неосуществившийся проект, был, очевидно, дорог святителю, вернувшемуся еще раз к дневниковой записи о нем, чтобы приписать позднее слова: *Без успеха.*

Наконец, возмущенное упоминание «о браке прелюбодея» в связи с известным делом Кляйнмихеля и несколько таинственных записей («Начались сношения с М[инистерством] в[нутренних] д[ел] о предметах довольно трудных»), по смыслу

и времени занесения которых однако ж можно догадаться, что речь идет о присоединении униатов в 1835 году, завершают перечень синодальных дел, упомянутых в дневнике. За 15 лет его ведения их оказывается ровным счетом пять.

Дела московской епархии напоминают о себе и того менее: единственно краткими тревожными заметками холерного 1830 года, напоминающими военные сводки.

4. Отдельного упоминания заслуживают записи о *встречах* святителя Филарета с *Государем*.

«Между Крестцами и Зайцовым, в 3 часу по полудни, встретил я Государя Императора, путешествующего в Москву, весьма нечаянно» (10.10.1831), — записывает святитель, сам находящийся в тот момент на пути из Москвы в Петербург. Легко представить себе чувства святителя, если знать, что поездка императора в Москву была предпринята в совершенной тайне от него и московских властей.

Еще запись: «Государь изволил проститься со Владыкою [митр. С.-петерб. Серафим] и со мною чрез кн. А. Н. Голицына» (26. 4.1829). Судя по посланным в тот же день двум письмам викарию, еп. Иннокентию, Государь, очевидно, во время службы появился в соборе, но не подошел к святителю, чем вызвал у него мысли о возможном неблаговолении, разрешившиеся лишь с визитом князя Голицына. Подобные недоразумения искренно огорчали святителя, благосклонность же или благодарность Государя так же искренно радовали его: «Государь говорит: поклон доброй Москве», — записывает он 20 апреля 1830 года. И не только записывает, но и органично вводит эти слова в проповедь на текст из послания к Филиппийцам *Целуют вы святии вси, паче же иже от Кесарева дому* (Фил. 4:22), произнесенную им по возвращении в Москву в день обретения мощей святителя Алексия митрополита: «Скажу ли и то, что *целуют вы, иже от Кесарева дому?* О! Могу, могу сказать несравненно более. Целует вы Сам Кесарь возлюбленный. Так! Сам благочестивейший Император посылает чрез мою мерность слово Его высокаго благоволения, привета,

любви *доброй Москве*. Вы тотчас догадаетесь, что это не я ласкаю вас в глаза, но что сердце Царя, Который не имеет нужды ласкаться, — любящее сердце Царя отверзается к доброй столице» (Творения. Т. 3. С. 441). Заметим, что святитель также вовсе не желает ласкаться здесь царя. Как и вообще, он мыслит в каждом случае категориями не бытовыми, но богословскими, в данном случае — категориями священной истории (несколько подробнее об этом попробуем высказаться ниже): «Итак, Россияне, мы в современных происшествиях читаем древнюю книгу Богоправимых Царств! Священные времена проходят пред нами в деяниях наших Царей! Какое утешение для веры! Какая надежда для Отечества!» (Творения. Т. 4. С. 113–114) — говорит он в день закладки храма Христа Спасителя. И если записывает в дневнике: «Пасха. Совершеннолетие Г[осударя] Ц[есаревича] и В[еликаго] К[нязя] Александра Николаевича. Умилительное зрелище при Его присяге. Государь благодарит за составление молебна» (22.4.1834), — то умиление его вовсе не сводится к сентиментальной верноподданности, но вызывает на слова прямо пророческие: «Он [наследник] стоит пред Богом, как живая жертва, приносимая Царем — Отцом за будущее благосостояние царства, и согласно с волею Родителя и Сам представляет Себя в жертву» (Творения. Т. 3. С. 266). Так описывает он этот момент в проповеди по случаю дня рождения Государя, и мы не можем не вспомнить, что речь идет о будущем Александре Освободителе, на крови которого стоит теперь в Петербурге храм.

Достойно к тому же размышлений, что при самом широком круге знакомств святителя на страницах дневника являются практически только император, императрица, наследник, т. е. лица сакральные, — неперменные, если позволительно так выразиться, действующие лица священной истории. Об остальных упоминается только вскользь, в связи с событием почему либо вызвавшим интерес святителя. И опять-таки это не повод для обвинения святителя в низкопоклонстве или тщеславии, но напротив того — повод подивиться его мужеству в тех слу-

чаях, когда он был вынужден идти против воли Императора, как в известной истории с освящением Триумфальных ворот в Москве.

5. Если же разбирать *заметки, касающиеся непосредственно самого святителя*, то их лейттемой, пожалуй, станут упоминания о часто одолевавших его физических немощах. Их нельзя даже назвать жалобами, однако они выразительно оттеняют записи, свидетельствующие о его напряженной тайной духовной жизни. Самые замечательные из них это, конечно, те, которые передают слышанные им *в соннобдении* изречения. И несомненно то, что их с течением времени в дневнике становится все больше. Эти записи очевидным образом замещают собой выписки о чужих видениях, указывая тем самым, что внутренний опыт уже не только не ищет себе опоры и подтверждения во внешних подобиях, но более того: сам из себя черпает ответы на вопросы жизни: «Истинная ли это частица мощей С[вятаго] Р[авноапостольнаго] Владимира? — записывает святитель возникший вопрос и тут же — ответ, полученный в соннобдении: «Приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу примет» (6.3.1834). Что подобный способ разрешения недоумений не случай, подтверждает одна из самых поздних дневниковых записей, сделанная уже в 1843 году:

Аз сплю, а сердце мое бдит.

Надобно устоять самостоятельностью.

Бодрствуй, мудрствуй, крепись, молись. Хотя Господь и всегда с тобою, но осторожность нужна.

Выполняй все, как Господь велел, и Он во всем тебе поможет.

Принимай всех, но будь со всеми осторожен.

(20.10.1843)

Быть может, именно из нее со временем вырастет замечательное Слово святителя на Благовещение 1858 года, где *осторожность* возводится им в ранг высших добродетелей.

6. Выше было замечено, что святитель не упоминает в дневнике о своих встречах ни с кем, кроме лиц царского дома. Исключение составляет одна единственная запись о посещении святителя учеником свенского пустынножителя о. Арсения, рассказавшим митрополиту о последних минутах старца, предваренного в смерти видением Богоматери (7.8.1840), хотя и здесь, конечно, интерес святителя сосредоточен прежде всего на этой, таинственной стороне рассказа. Но нельзя не упомянуть еще о двух встречах, собственно, завершающих дневник, хотя бы потому, что это *встречи с усопшими*. Первая из них относится к 1844 году и описывает свидание во сне с умершим за 5 дней до этого князем А. Н. Голицыным. После этого святитель не обращается к дневнику 9 лет. Но в 1853 году вновь берет его в руки, чтобы сделать последнюю запись: запись о кончине своей матери:

«20 марта

Преставился раба Божия Евдокия.

Мати моя, в 9 ч. утра.

28 марта. 9 день по кончине Матушки. Некто видит: пришла со свечью в руках; свет не земной; говорит: это дали мне на 40 дней — вся в белом».

После этой записи святитель не возвращается к дневнику уже никогда.

Выводы

1. Хотя дневниковые записи нередко обретают себе параллель в соответствующих местах из переписки или проповедей святителя, сравнительно с последними они указывают на более глубокий пласт внутренней жизни святителя, обозначая непосредственные — «неотредактированные» — акценты восприятия мира.
2. Эти акценты видимо не совпадают с тем образом, который может сложиться из чтения послужного списка или воспоминаний современников святителя, в годы ведения дневника находящегося в расцвете сил и зените славы, достигшего вершин церковно-служебной лестни-

цы, окруженного почитателями, имевшего самый блестящий круг знакомств, пользовавшегося (во всяком случае внешней) благосклонностью двора и увенчанного негласным званием «природного патриарха». Между тем из дневника однозначно явствует: взгляд его был обращен не во вне, но внутрь.

3. Более того, выстроенный хронологически, дневник недвусмысленно выявляет все возрастающее одиночество святителя, являющееся, очевидно, в то же время внешней стороной его внутреннего духовного возрастания. Слово *таинственный* так часто употребляемое нами при разборе дневника и свидетельствующее о мистических настроениях святителя не должно смущать нас. Грандиозное здание его богословия не могло бы устоять не на камени истинного богообщения. Судя же по дневнику, именно в 30–40-е годы достигает святитель «в видения восход». Это одинокое внутреннее делание составляет скрытый стержень и смысл его жизни. Несмотря на все величие его святительских трудов, оно и ничто другое есть важнейшее в нем, без чего он никогда не станет нам понятен во многих своих словах и поступках.
4. Видно, какое значение придавал святитель общению с государем. Невозможно объяснить это карьерными соображениями: его нескрываемая нелюбовь к петербургской жизни и нежелание быть своим в ней свидетельствуют о том. Царь, царица, наследник — для него прежде всего лица священные. Об этом кроме дневника, между прочим, свидетельствуют и письма к высочайшим особам, по стилю еще более даже, быть может, возвышенно-библейские, чем проповеди. Дневник же лишний раз подтверждает: он не был государственным, в смысле признания самоценности государства, как часто думают и пишут, но теократом по преимуществу. Подвести русскую жизнь под категории священной истории значило, вероятно, для него в конечном счете оправдать, осмыслить и — дерзнем ли предположить? — в известном

смысле *сформировать* ее. Неоднократно засвидетельствованная и богословски обоснованная им уверенность в творческой силе слова делает последнее предположение не столь невероятным, хотя и нуждающимся в серьезном обсуждении. Как бы то ни было, очевидное и вовсе не «симфоническое» преобладание государства над Церковью могло быть приемлемым для него постольку, поскольку находило себе отзвук и прообразование во взаимоотношениях царя и первосвященника эпохи расцвета единого Израильского царства. Показательно в этом смысле, что никогда и нигде не говорит он о Третьем Риме, но всегда о Новом Израиле.

5. Наконец, дневник ясно показывает, каких серьезных и непредвзятых исследований требует вопрос о взаимоотношениях русской богословской мысли с духовным наследием Запада. Заимствование или воцерковление, размежевание или синтез? — так, собственно, должен быть поставлен он, и уже теперь очевидно, что разрешение его невозможно без учета и осмысления опыта святителя Филарета, органично переработавшего и отлившего в совершенные и незыблемые формы «филаретова православия» многое из того, что, взятое само по себе, являлось чуждым и неприемлемым для церковного сознания и жизни.

Ниже читателю предлагается выполненная по изданиям МЦВ и РА хронологическая реконструкция дневника святителя. Важнейшие разночтения и необходимые пояснения к тексту вынесены в постраничные примечания. Орфография и пунктуация публикаций в основном сохранены без изменений. Расшифровки сокращений и необходимые дополнения, принадлежащие автору реконструкции, взяты в квадратные скобки.